

фобиями.

Итак, изображая героев-детей в кризисные моменты социализации, писатель сосредотачивает свое внимание на исследовании эмоции страха, которая может выступать как в чистом виде, так и в комплексе с эмоциями вины и стыда. Автор показывает причины возникновения страха, демонстрирует различные проявления данной эмоции в поведении персонажей, пытается проследить эволюцию этого чувства, что свидетельствует о высоком уровне психологизма прозы Л. Пантелеева.

Список литературы

- Зеньковский В.В.* Психология детства / В.В. Зеньковский. – М. : Академия, 1996. – 348 с.
- Изард К.Э.* Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб. : Питер, 2000. – 464 с.
- Ильин Е.П.* Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.
- Марков Б.В.* Философская антропология: очерки истории и теории / Б.В. Марков. – СПб. : Лань, 1997. – 384 с.
- Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. – СПб. : Питер, 1999. – 288 с.
- Пантелеев Л.И.* Собр. соч. : в 4 т. / Л.И. Пантелеев. – Т. 3. – Л. : Детская литература, 1984. – 396 с.
- Юнг К.Г.* Сознание и бессознательное / К.Г. Юнг. – М. : Академический проект, 2007. – 192 с.

ОТРАЖЕНИЕ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОПЫТА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ЕГО СКАЗКАХ

А.В. Гарусова

*Научный руководитель: Г.А. Склейнис,
доктор филологических наук, профессор (СВГУ)*

Публицистика и художественная литература всегда шли рука об руку. Многие талантливые писатели и поэты, такие как Пушкин, Некрасов, Добролюбов, Тургенев, Достоевский участвовали в выпуске журналов и работали в них в качестве редакторов и журналистов. Особенно расцвета взаимопроникновение публицистики и литературы достигло в 60-е годы XIX века.

Тема доклада актуальна по той причине, что заинтересовавший нас феномен ранее не освещался именно в таком ракурсе. К тому же это довольно интересно с точки зрения литературоведения. Мы проводим анализ влияния журналистского опыта на примере одного автора, но подобные характерные черты, о которых говорится в нашей исследовательской работе, можно наблюдать и у других писателей.

Что касается публицистики и журналистики, то нужно, прежде всего,

определить, насколько различаются эти понятия. Публицистика – (лат. *publicus* ‘общественный’) – вид литературы, характеризующийся злободневным общественно-политическим содержанием и предназначенный для воздействия на сознание максимально широкого круга читателей. Благодаря сочетанию методов научного и обыденного знания, постановке фактов реальности в причинно-следственные цепочки, эмоциональному и логико-рациональному началу, а также присущим публицистике пафосу и красноречию, единству образности она реализует свою способность воздействовать на жизненную реальность путем вовлечения читателей в действенный диалог о животрепещущих вопросах современности, трансформируя знания аудитории в убеждения. Публицистика, обладающая прогнозирующей функцией, предсказывающая будущее, как и «ретроспективная» публицистика, осмысляющая прошлое, прежде всего выявляет связи грядущего или прошедшего со злободневными проблемами настоящего (однако это не исключает способности прозревать в злободневном вечное и не противоречит тенденции к философизации публицистики). Объектом публицистики выступают социальные, политико-идеологические, философские, литературные, моральные, религиозные, исторические, экономические, экологические и другие проблемы. В присутствии авторского начала состоит отличие публицистики от собственно информационных жанров. В различных жанрах публицистики соотношение этих элементов варьируется [Николюкин 2001: 117].

В работе мы будем использовать, помимо термина «публицистика», термин «журналистика». Журналистика – более широкое понятие. Это деятельность по сбору, обработке и распространению информации с помощью средств массовой информации (печать, радио, телевидение, кино и др.); научная дисциплина, возникшая с созданием периодической печати; деятельность в газетах, журналах и других средствах массовой информации [Журналистика 2003: 255]. Но мы будем иметь в виду только ту часть определения, которая говорит о том, что журналистика – это деятельность в газетах и журналах, ведь она наиболее близка публицистике.

В своей вступительной статье к коллективному труду «Шестидесятники» Ф.Ф. Кузнецов выразил мысль о том, что известные писатели того времени, такие как Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Антонович, Зайцев «не были литературными критиками в чистом виде – прежде всего, пожалуй, они были общественными деятелями, публицистами, а уже потом критиками» [Кузнецов 1984: 9].

Вот и Салтыков-Щедрин был не просто замечательным писателем, но и одаренным журналистом. Именно занятию журналистикой Щедрин

отдал 22 года своей жизни. М.Е. Салтыков-Щедрин в качестве редактора впервые начинает работать в «Современнике» с середины 1862 года. Затем в 1868 году Щедрин продолжил свою деятельность в журнале «Отечественные записки» до момента его закрытия в 1884 году. Также Салтыков-Щедрин публиковался в «Искре» и Свистке». А.А. Жук относит этот период к самой значительной эпохе его литературной биографии и называет его работы «наследием сатирической журналистики» [Жук 1981: 183].

Столь богатый журналистский опыт Салтыкова-Щедрина не мог не найти отражение в его литературной деятельности. Особенно заметно влияние журналистского стиля в «Сказках для детей изрядного возраста». Композиция, язык, исторические реалии, форма подачи выдают в авторе истинного журналиста. В сказках нашли отражение политические взгляды Щедрина.

Цель нашей работы – осветить приемы публициста на примере следующих художественных произведений Щедрина: «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Премудрый пескарь», «Медведь на воеводстве», «Карась-идеалист». На наш взгляд, эти сказки наиболее ярко демонстрируют параллели между Щедриным-журналистом и Щедриным – сатирическим писателем.

Одна из первых сказок Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» была напечатана в 1869 году в журнале «Отечественные записки». Сама сказка по своей содержательности, динамике событий, форме их изложения напоминает статью. Мы видим и исторические реалии, такие как Подьяческая улица и Фонтанка. Кроме того, «Повесть...» внутренне полемична, что тоже говорит о журналистской манере Салтыкова-Щедрина и его натуре полемиста. Так, Щедрин упоминает газету «Московские ведомости». Тогда всем образованным читателям (а Щедрин ориентировался именно на таких) было известно, что эта газета издается М.Н. Катковым, редактором «Русского вестника». Он начинал свою деятельность довольно демократично, но в 1862 году, после петербургских пожаров, резко перешел на позиции охранительные. Этот прием, по мнению А.А. Жука, характерен для писателей-«шестидесятников», которые требовали читателя «не доверять авторской воле, а знать жизнь – уметь сопоставлять, сверять с нею изображение» [Жук 1981: 162].

«Вчера, – читал взволнованным голосом один генерал, – у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною... Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра ...был в здешнем клубе фестиваль. <...> Из Вятки пишут: один из здешних старожил

изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи...» [Салтыков-Щедрин 1988: 320]. По прочитанному материалу мы можем судить о содержании газеты, над которым Щедрин иронизирует: «Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, – все свидетельствовало об еде» [Салтыков-Щедрин 1988: 321]. Конечно, такое содержательное наполнение газеты утрировано, это свойственный Салтыкову-Щедрину сарказм.

Мы предполагаем, что автор использует так называемое пародийное цитирование. Мы не имеем возможности доказать это, потому что нам недоступны статьи газеты «Московские ведомости», но нам очевидно, что, когда читатель находил название газеты, он знал ее содержание, знал, что в ней изобилует светская хроника, и ему было очевидно пародийное содержание этой сказки.

Что касается реалий, то Щедрин упоминает в сказке именно те города, в которых служил вице-губернатором. «Сыщут нумер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани – и ничего, не тошнит» [Салтыков-Щедрин 1988: 323].

На наш взгляд, «Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил» своим сюжетом напоминает критическую статью, обличающую праздный образ жизни высших военных чинов. Щедрин стремился «уйти от “литературности”, боясь отрыва от действительности, от глубинного русла исторического развития», как считает Ю. Лебедев [Лебедев 1982: 20]. Для этого Щедрин использует иронию, которая являлась одной из главных особенностей его творчества. Бушмин называл Салтыкова-Щедрина «великим мастером иронии» [Бушмин 1988: 567]. Автор как бы занимает позицию генералов и как бы искренне возмущается мужиком. «Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было» [Салтыков-Щедрин 1988: 322]. Также как бы радуется Щедрин вместе с кухарками, цитирую: «Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые!» [Салтыков-Щедрин 1988: 324].

Ирония – святая святых Щедрина, и ни в одной из своих публицистических статей он не обошелся без нее. Так, например, в своей статье «Бродящие силы» Щедрин пишет о повести В.П. Авенариуса: «В самом деле, писать так, как пишет г. Авенариус, доступно решительно всякому. Даже в знаках препинания нет надобности, потому что они только препятствуют текучести наблюдения. Чтобы написать повесть, роман, комедию, драму вроде “Поветрия”, нужно только сесть у окошка и пристально глядеть на улицу» [Салтыков-Щедрин 1982: 157]. Обратим

внимание на одну характерную особенность: и в статье, и в сказке Щедрин, обличая своих идеологических противников, использует не порицание под видом похвалы, а похвалу под видом порицания.

В отношении «мужика» Щедрин в разных своих произведениях высказывается по-разному, но везде сквозит горькая ирония. Мужик «всем ...нужен», – писал Салтыков-Щедрин, – а «ежели мужик так всем необходим, то надо же знать, что он такое, что представляет он собой как в действительности, так и *in potentia*, каковы его нравы, привычки и обычаи, с какой стороны и как к нему подойти», – писал он в «Отечественных записках» [Западов 1973: 113].

Подобная точка зрения высказана и в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил»: «Как нет мужика – мужик везде есть, стоит только поискать его!» [Салтыков-Щедрин 1988: 321]. Этот факт рабской покорности крестьян всегда возмущал писателя, хотя в своей первой сказке он не говорит об этом явно, зато в последующих прямо заявляет о своей позиции в этом вопросе.

«Повесть...» (1869) создавалась в тот момент, когда журналистский опыт был не очень богат, однако и в ней уже можно найти публицистические приемы. В более поздних сказках эти приемы становятся особенно явными.

Сказка «Карась-идеалист» (1884) по форме изложения напоминает полемическую статью. В данном произведении полемику ведут Карась и Ерш. Салтыков-Щедрин сталкивает две точки зрения. Данный прием скрытой полемики в большей степени присущ публицистам, нежели писателям. В сказке можно уловить намек на извечный спор между властью и народом (в образах Щуки и Карася). Светлые идеалы Карася поглощены Щукой (вместе с ним самим), также и власть поглощает народное мнение, подавляет его силой. Щука и Карась спорят на злободневные общечеловеческие темы, которые, как правило, обсуждаются именно в публицистике.

Таким образом, эволюция Щедрина заключалась в переходе от полемики скрытой (полемика с содержанием журнала Каткова) к полемике явной (то есть композиционной). Такая же адресная полемика используется Щедриным в «Письме в редакцию “Вестника Европы”», где он полемизирует по конкретным пунктам со статьей Суворина: «Я отдаю полную справедливость г. Бу-ову (Суворину)... Но и за всем мне кажется, что в основании его труда лежит несколько существенных недоразумений...» [Салтыков-Щедрин 1882: 282].

Исторические реалии мы можем наблюдать в сказке «Медведь на воеводстве» (1884). С самых первых строк о «злодействах крупных и малых» мы видим скрытый намек на реалии истории нашей страны, на

проблему самодержавия. Для сказки характерна своеобразная форма хроники правления медведей и прослеживается некий сравнительный анализ их деяний. Однако прямой оценки, которую обычно дает автор и которой, в свою очередь, может избежать журналист, мы не видим. Точнее, мы видим ее, например, по завуалированной в игре слов цитате: «Ибо он, собственно говоря, не был зол, а так, скотина...» [Салтыков-Щедрин 1988: 367]. Салтыков-Щедрин мастерски иронизирует над формой правления в государстве. «Сатирически заостренная форма повествования» [Лебедев 1982: 22] присуща не только его статьям, но и литературным произведениям.

В сказке «Медведь на воеводстве» есть мотив общественного мнения и способы его формирования: «Так вот оно, общественное-то мнение что значит!» [Салтыков-Щедрин 1988: 369], – а насколько нам известно, к общественному мнению апеллируют именно журналисты. Мы можем с легкостью увидеть параллель с реалиями тогдашнего общества, в котором общественное мнение трактовало историю (в большинстве своем) так, как это угодно было власти, которая стремилась подчинить его себе. В сказке прямо говорится о «Курантах», газете, которая подчинялась государственной цензуре. Помимо этого в произведении среди действующих лиц-зверей появляется Магницкий, известный в русской истории реакционер.

Сказка «Премудрый пескарь» ставит острую злободневную проблему человека не живущего, а существующего. Весь правильный и спланированный образ жизни среднестатистического обывателя отражен в образе Пескаря. Щедрин иронизирует над «боязнью» окружающего мира. «Надо так прожить, чтоб никто не заметил» [Салтыков-Щедрин 1988: 344] – вот основной девиз героя сказки. Он отражал и позицию большой массы населения, которая в страхе перед изменениями, «опасностями» утрачивала многие возможности. Тематика и приемы, используемые в сказке, тяготеют к журналистским. Это, например, относится к риторическому вопросу, которым она заканчивается, такое окончание несвойственно сказкам. Или внутренний монолог Пескаря, в котором он рассуждает о собственной жизни. Эти методы воздействия на читателя намного глубже, чем это подразумевает жанр сказки. Это подтверждает публицистическое вкрапление, которое вполне можно было бы поместить в журналистскую статью:

«Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия...» [Салтыков-Щедрин 1988: 347]. Можно провести

параллель между данным фрагментом и явно оценочным фрагментом из статьи Щедрина «Благонамеренные и нигилисты»: «Злорадство дошло до такой степени безобразия и нелепости, что благонамеренные готовы были, чтоб у них головы поснимали, лишь бы иметь право сказать: это они! Это нигилисты!» [Салтыков-Щедрин 1882: 62].

Кроме того, в сказке есть аллюзия на чиновников и полицию в образе шуки. «Премудрый пескарь» писался именно в период реакции.

Проанализировав все эти произведения, мы выявили общие особенности, характерные для всех вышеперечисленных сказок, такие как актуальность затрагиваемых проблем, особенно важная для журналистской прозы, отличительной особенностью которой, по мнению А.А. Жук, является «тесная связь со злобой дня» [Жук 1981: 184], прием маски наивного добродушного рассказчика, из-под которой в прямых публицистических высказываниях в некоторых местах проглядывает лицо журналиста-сатирика, пародийность, гротескность, полемичность, выходящая на сюжетный уровень, исторические реалии, аллюзии и карикатуры на действительность.

Сказки принято считать апогеем сатирического таланта Салтыкова-Щедрина. И это действительно так. Сочетание фольклорных образов, оборотов речи с канцеляризмами, публицистическими высказываниями, оценочными суждениями очень тонко и уместно использовано автором. Неслучайно выбран жанр сказки. На период времени написания он актуален, популярен (особенно жанр политической сказки), имеет чуть больше шансов пройти цензуру. В сказке прекрасно уживаются абсурд, элементы истории и сатира. Сказки емки, лаконичны, злободневны, подобно журналистским статьям.

Кроме того, нельзя не отметить эволюцию в творчестве Щедрина. Его полемика, сарказм и другие перечисленные нами приемы реализуются более успешно и явно именно в поздних сказках писателя.

Рассмотрев Щедрина как журналиста и как писателя, можно прийти к выводу, что эти два вида творческой деятельности гармонично сочетались. Богатейший журналистский опыт, опыт критика нашли свое отражение и практическое применение в его произведениях. И стиль, и поэтика, и выбор тематики отвечают вкусам не просто писателя, но писателя-публициста (журналиста), и в этом заключено своеобразие и особая привлекательность творчества Салтыкова-Щедрина.

Список литературы

Бушмин А.С. Примечания. Сказки / А.С. Бушмин // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 12 т. – Т. 8. – М., 1988. – С. 552-574.

Жук А.А. Русская проза второй половины XIX века / А.А. Жук. – М. : Просвещение, 1981. – 254 с.

Западов А.В. История русской журналистики XVIII-XIX веков / А.В. Западов. – М. : Высшая школа, 1973. – 317 с.

Кузнецов Ф.Ю. Шестидесятники / Ф.Ю. Кузнецов // Шестидесятники : сб. ст. – М., 1984. – С. 5-34.

Лебедев Ю.В. Салтыков-Щедрин М.Е. – литературный критик / Ю.В. Лебедев // Салтыков-Щедрин М.Е. Литературная критика. – М., 1982. – С. 5-27.

Соболевская О.В. Публицистика / О.В. Соболевская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 117-118.

Журналистика // Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. Д.А. Прокопчука. – М., 2003. – С. 255.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 12 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – Т. 8. – М. : Правда, 1988. – 574 с.

Черникова Е.Г. Салтыков-Щедрин М.Е. / Е.Г. Черникова // История русской литературы XIX века : в 2 ч. – Ч. 2 : 1840-1860 годы. – М., 2005. – С. 500-522.

ЧЕРТЫ ГОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Л.П. Коновалова

Научный руководитель: Н.Е. Тропкина,

доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)

«Атмосфера обостренных страхов и апокалиптических ожиданий» в революционной России начала XX века обусловила интерес к теме смерти [Тропкина 1998: 23]. Эта тема была затронута почти всеми поэтами-современниками и трактовалась по-разному. Николай Гумилев и Ирина Одоевцева в своих творческих поисках обращаются к жанру баллады и разрабатывают тему смерти в рамках готической традиции. В данной работе мы рассмотрим черты готического пространства баллад «Загробное мщение» Н. Гумилева и «Толченное стекло» И. Одоевцевой.

Обе баллады начинаются сообщением о свершившемся преступлении. Н. Гумилев не знакомит читателя с причинами этого деяния и подробностями жизни преступников и жертвы. Персонажи, время и место действия представлены максимально обобщенно:

Как-то трое изловили
На дороге одного,
И жестоко колотили
Беззащитного, его [Гумилев 1991: 195].

В готической же литературе обычно «все действие происходит на фоне более или менее точного изображения быта эпохи» [Тамарченко 2008: 8]. Данный признак заметен в балладе И. Одоевцевой «Толченное стекло». Здесь мы видим элементы исторической конкретики: упоминаются «советский чай», «коммунизм» и «чайная, ...что прежде